

ЛУЖКОВ – ЭТО ЛЕНИН СЕГОДНЯ

Татьяна Назаренко и план монументальной пропаганды

Независимая газ. – 1999 – 30 янв. – с. 7

Михаил Сидлин

ДВЕНАДЦАТОГО апреля 1918 года «Декрет о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции» был принят Совнаркомом. «В.И. Ленин придавал огромное значение проведению в жизнь этого декрета», — отмечают комментаторы Полного собрания трудов Ильича. «Возмущен до глубины души; месяцами ничего не делается», — писал он Луначарскому 18 сентября 1918 года. Плохо выполнен декрет был, заметим, в части, касающейся «выработки проектов» и установки монументов. Со «снятием» все было в порядке.

«Памятники Татьяны Назаренко в Москве» — выставка в галерее «Манеж». «Что нам делать с монументальной пропагандой» — выставка, которая в декабре прошла в галерее Гельмана, а в январе приехала в Петербург, где ее существенно дополнили произведения тамошних художников. Можно смело вставить в этот ряд еще пяток акций, которые связаны с «вы-

одном месте. Славный нацистский прием. А если б свой, местный, идолищ понаставил? Своих, местных, критикуют как-то меньше, слабей и неотчетливей, из-за чего акцент в этой критике сползает с общей стратегии постановки памятников на частные детали.

Гвоздь выставки Назаренко — монумент «Рабочая и крестьянин», который был выставлен у Манежа, перед воротами Кремля. «Рабочая» — девушка с Тверской. «Крестьянин» — мужик в ватнике. Идея честная и простая: воздвигнуть памятник народу — тому, который остался. Идея ироническая: фигуры фанерные. Если бы завтра реально установили «Рабочую и крестьянина» в бронзе, «прогрессивная общественность» вздрогнула бы от негодования и визг «долгой» был бы разнесен СМИ. Парадокс в том, что любой памятник сегодня будет осмеян, освистан, оплеван. Или не замечен, как не был замечен памятник жертвам сталинских репрессий, открытый в Парке искусств на Крымской набережной.

1 мая 1919 года на Лобном месте поставили Стеньку Разина: именно потому, что «на этом месте сложил он голову в борьбе за свободу» (из речи Ле-

этом сокрыт. Но цель ясна и без плана: замещение одной мифологии — другой. Но какой?

«Пустых мест» в городе нет. Памятники ставят не на пустых местах: на значимых. «Не поставят мне памятник в сквере, где-нибудь у Петровских ворот». Поставили. А черетелиевского «Петра» установили там, куда должны бы были переехать «Рабочий и колхозница» Веры Мухиной. Мерзости и кумиры, которые воздвигает Лужков, намекают на некую угрозу — возможно, мнимую. Имя этой угрозы явно — тоталитаризм с патриотическим лицом. Возможно, угроза опаснее ее осуществления.

Все мыслимые места Москвы — от Кузьминок до Лубянской площади — заставлены фанерами Назаренко. Об этом говорят фотографии (конечно, коллажи). Изображение коллективных мифологий — постоянная тема Татьяны Назаренко. В ответ на очередное массовое московское помешательство, она создала изящный и саркастический проект. Гигантомания новой «монументальной пропаганды», бессмысленная и беспощадная, внушает скорее ужас перед глупостью, чем страх перед будущим. И этим она смешна.

«Рабочая и крестьянин» Татьяны Назаренко напротив Кутафьей башни.

Галерист Марат Гельман и куратор Марина Колдобская спрашивают: «Что нам делать с монументальной пропагандой?» Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

работкой проектов» тех или иных изваяний. Так «монументальная пропаганда» неожиданно обрела свою актуальность в виртуальном пространстве художественной воли. Но ее актуальность связана не с Лениным — с Лужковым.

Высоцкий, Достоевский, Есенин... Литературный ряд не из плохих. Скульптурный — заметно хуже. Высоцкий откинул голову вверх (кайф после укола?), Достоевский сползает со стульчика (припадок эпилепсии?), Есенин выставил бедра вперед (красуется перед бабами?). Достоверные портреты русских писателей — с их пороками? Или же эти ассоциации мнимы, навеяны модой на «конец русской литературы»? Новые памятники критикуют все. Ярче всего — Петра. Паранойя вокруг памятников — чисто московский бич.

Случайный приятель, филолог-германист, прошедший спецназ, недавно рассказывал мне, как он негров бил в МГУ: с воодушевлением. Даже с пафосом. Как-то неприятно было его слушать. Критика Церетели — общее место. Церетели — чужак: «Панымаеэ, вот так поставил я свой скульптур». Такие интервью с грузинским акцентом были опубликованы. И не в

нина с Лобного места на открытии памятника Степану Разину. Ленин считал этот момент настолько важным, что обратился к демонстрантам со специальной речью, посвященной Разину-истукану. Ленин понимал, зачем он делал то, что делал. Говорил в другой раз: «Товарищи! На этом месте прежде стоял памятник царю, а теперь мы совершаем здесь закладку памятника освобожденному труду» (из речи на митинге, 1 мая 1920 г.). Замещение — самый важный прием в «плане монументальной пропаганды». Одно сменяется другим, старый строй — новым. «Пусть обломки статуй тиранов, нагроможденные в беспорядке, образуют долговечный памятник славы народа и их низвержения», — так в Конvente 17 брюмера (1793 г.) Луи Давид рекламировал свой арт-проект: прообраз ленинских планов.

Художники льют идолов, начальники их заказывают. К тем истуканам, которых воздвигли отцы и деда, Лужков уже добавил пару десятков новых. Эта настойчивость и упорство в идолизации Москвы заставляют критиков подозревать тайный лужковский план монументальной пропаганды. Да, в отличие от ленинского, план

Организующей идеи нет. А у Ленина была. Может быть, дезорганизующая подойдет? Акция Сергея Ковальского «Ленин жил, Ленин умер, Ленин мертв» («Похороны Владимира Ильича») 22 апреля 1991 года прошла в Питере, в доме-сквоте на Пушкинской, 10. 22 марта 1993 года Комар и Меламид обратились к Ельцину с предложением: надо что-то делать со старыми памятниками... Тогда свежая выставка на тему «что делать» вызвала прилив бурной радости не только у русских. Джозеф Кошут, живой классик, папа всемирного концептуализма, предложил свой проект: снять монументы, выставить... памятники — как гениальные творения русского постконструктивизма. Сегодня римейк выставки «Что нам делать с монументальной пропагандой?» не вызывает восторгов. Видимо, потому, что Ленин и теперь живее всех живых. И проблема уже решена — вопрос снят — Лужковым.

...Один из проектов Татьяны Назаренко — памятник Юрию Лужкову: с лопатой в руке и (хочется добавить) кепкой в другой. Лопата — почетный признак мэра-строителя. А лужковская кепочка — снята с головы Ильича.